

И долго я стоял у речки,
И долго думал, сняв очки:
«Какие странные дощечки
И непонятные крючки!»

Д. Хармс

«Я буду любить тебя все лето» —
это звучит убедительней, чем «всю жизнь»,
и — главное — куда дольше!

М. Цветаева

Ну, и конечно, все совпадения случайны,
иначе и быть не может.

ЧТО ЭТО БЫЛО?

Осенью 2014 года, на канале Грибоедова у корпуса Бенуа.

Звонит Ларка. Сейчас скажет: «Ты видел курс доллара?» Ларка, как маньяк, смотрит «доллар — евро — нефть», зажмуривается, как будто, открыв глаза, увидит другой доллар, другой евро, другую нефть, открывает глаза и опять смотрит. Сейчас скажет: «Я так люблю его, что сразу умру, я умру без него...»

Запретить ей, что ли, говорить про курсы валют в радиусе трех метров от меня?

— Тебе-то хорошо, у тебя нет дома. Нет ипотеки.

Трех, у меня нет трех ипотек.

У Ларки *три* ипотеки, Ларка боится потерять дом в Черногории (если она перестанет платить кредит, банк заберет дом, «я так люблю его, я умру без него» — это про дом), квартиры в Питере («в одной из них живет наша мама, если ты забыл» — а это *про меня*), Ларка — хорошая дочь, она думает о старости, о маминной и о своей, черт, почему она в тридцать пять лет думает о *своей* старости?! Потому что Ларка — средний класс, средний класс в любом возрасте думает о старости?.. Я никогда не слышал от Ларки «я так люблю его, я умру без него» — про человека, только про дом.

Из неприятностей кроме курса доллара у Ларки конфликт с мамой: мама будто копила в себе все эти годы недоброжелательство к Ларкиным успехам, теперь она говорит: «Тебя волнуют только пармезан и курс доллара!», Ларка срывается на визг, и все становится как двадцать лет назад, когда они сражались насмерть из-за голой полоски на Ларкином животе: точно ли она означает, что Ларке грозит стать проституткой или нет.

— Если я не смогу платить ипотеку, банк отнимет квартиру, и где ты будешь жить?

— Где-нибудь буду, с тобой. Девяностые пережили, и это переживем.

Переходим на личное, визжим:

— Да вы именно что пережили, вам чем хуже, тем лучше, это мазохизм, — вам нравится терпеть, наконец-то у вас нашелся смысл жизни... Ты опять найдешь себя в очередях!..

Переходим на очень личное, обижаем:

— А твой смысл жизни — потребление. У меня по крайней мере есть ребенок и ты.

Это я *ребенок своей мамы*, а Ларка ее взрослая дочь, но это давняя история.

— А я кому ребенок?! ...Между прочим, благодаря мне твой адрес опять Невский, шестьдесят шесть...

Обычный диалог, — как видите, здесь перемешано все, и общественное, и личное, и очень личное. Повод для истерики: Ларка вызвала маме врача, впервые не платного, а участкового, из экономии.

И что оказалось:

— что жизнь не остановилась: бесплатная медицинская помощь существует;

— участковый врач — *тот же* врач, который приходил к нам двадцать лет назад: жив-здоров и так же нетрезв. У него все так же плещется спирт во фляжке в заднем кармане брюк, я сначала узнал звук, а потом его самого. Ларка говорит: «Ужасно, как будто за двадцать лет ничего не изменилось», а по-моему, прекрасно, что наш участковый врач все двадцать лет мужественно небрит и всегда слегка на взводе, как герои Хемингуэя.

КАК ЭТО БЫЛО

27 августа 1992 года

Ни слова о мокрых пятнах на простыне. Вообще никаких упоминаний о сексе.

О чем еще я не буду писать? О том, что эти люди охренели.

Тем более они охренели не только что, а с момента моего рождения. Только подумайте, я — Петр Чайковский, а им на это чихать.

Нет! Мой Дневник — не обычная подростковая смесь секса и жалобного воя про родителей! Мой Дневник — летопись становления П. Чайковского как человека.

Программа становления меня как человека

1. Список для чтения: «Война и мир» (читать, а не смотреть кино!), «Снежная королева» (хочу перечитать это место про Северного Оленя, которое я так люблю в мультике).

2. Стремиться, чтобы у меня было метафорическое мышление.

(Узнать у кого-нибудь, что такое метафорическое мышление.)

3. Научиться употреблять слова «транс» и «трансцендентная интуиция». В нашем доме никто таких слов не знает. А еще говорят: «Ты из интеллигентной семьи». Особенно мама всегда повторяет: «Помни, что у нас интеллигентная семья» — и как бы в доказательство поводит рукой в сторону книжного шкафа. Там стоит полное собрание Джека Лондона. Еще Чехов, Жюль Верн, «Библиотека приключений» и Максим Горький. Получается, я отношусь к интеллигенции за счет книжного шкафа, ну и папиного высшего образования.

4. Не есть курицу. На родственном обеде в честь моего дня рождения будет курица. Звучит, как будто я, к примеру, Кот — и Курица приглашена ко мне на родственничный обед. На моем дне рождения будут: мама, папа, Ларка, дядя Сеня с тетей Шурой, курица. Возможно, правильно говорить «кура». Почему не есть курицу (куру?)? Потому что я не умею красиво пользоваться ножом и вилкой.

5. Научиться красиво пользоваться ножом и вилкой.

Мама с папой при мне поругались, где курица (нужно где-то уточнить, может быть, все же «кура»?) дешевле, на рынке или в магазине. Мама говорила, что в ларьке на оптовом рынке дешевле. Папа говорил, что мамина страсть к грошовой экономии нелепа: бензин на поездку на оптовый рынок как раз составляет разницу в цене между курицей на рынке и в магазине. И что раньше она (мама, не курица) была совсем другая. Мама говорила, что она бы с радостью осталась прежней поэтичной девушкой, если бы папа не стал тем, кем он стал... А кем он стал? Они совсем меня не стесняются!

Близкие люди должны друг друга стесняться, ведь они и так находятся слишком близко. Должны стыдиться показывать друг другу свои совсем уж плохие качества (страсть к грошовой экономии однозначно совсем уж плохое качество, ведь они не стали бы обсуждать с чужими разницу в цене этой несчастной курицы... куры)!.. Папа это понимает и больше молчит, а мама не понимает и по субботам до вечера ходит в бигуди. Но о маминой прическе я писать не буду (ни слова в стиле «предки охренели»).

Мои претензии к маме:

— У нее кудри до плеч, как у Мальвины, а ведь она пожилой человек, тридцать пять лет.

— Она многовато врет для человека, который кричит мне и Ларке: «Как ты можешь врать?!» Она ведь знает

КАК. Например, она говорит: «Я преподаю в Институте культуры», а сама просто работает в деканате: следит за расписанием занятий и выдает студентам справки. Она хочет отдать меня в Институт культуры, чтобы присматривать за мной и тем самым лишить меня молодости. На бесплатное отделение, например на «массовые праздники». Если папа найдет нормальную работу, то они поднапрягутся и отдадут меня на платное отделение, на самое модное, «менеджмент». Или все-таки отдадут на «массовые праздники», потому что «это все равно, главное — диплом».

— Она общается со своими подругами по телефону специальным, таким тонким возбужденным голосом. Пытается представить нашу жизнь более красивой. Вчера (я слышал своими ушами) три раза сказала кому-то по телефону: «У нас будет прием по случаю дня рождения Петра». А это просто придут дядя Сеня с тетей Шурой. Могла бы сказать правду: «Придет мой брат-дурак, и мы все вместе будем тупо есть курицу с оптового рынка». О-о, эти жуткие родственные обеды! О чем они разговаривают? Да ни о чем! Собираются, чтобы вместе пережевывать пищу. Дал бог родственничков! Дядя Сеня — мамин троюродный брат. Жаль, что у папы нет родственников, может, его родственники были бы умней? А может, были бы такие же глупые. Может, вообще все люди как дядя Сеня, может, это норма?

— Она обижается на папу за то, что дядя Сеня неожиданно обогатился. Дядя Сеня дал одному бизнесмену деньги в рост, чтобы тот платил ему проценты. И папу уговаривал дать. Папа подумал и отдал все, что у него было. Потом дядя Сеня забрал свои деньги с процентами и папу убеждал забрать (говорил «забирай сейчас, пока он не прогорел»). Папа долго убеждался, говорил, что у него своя голова на плечах, и не решился забрать у бизнесмена деньги, сказал «неудобно, он подумает, что я ему не доверяю». В общем, дядя Сеня забрал свои деньги с процентами, а папа прогорел. То есть бизнесмен прогорел и не вернул папе деньги. Мама не обижается на папу за то, что у него своя голова на плечах, она обижается за то, что дядя Сеня обогатился. Мама теперь намекает, что дядя Сеня проныра. Говорит: «Мог бы и помолчать о своих успехах: он нажился, а твой папа прогорел, а в доме повешенного не говорят о веревке...» При этом считает, что дядя Сеня самый успешный в нашей семье. Где логика?

А дядя Сеня — о-о-о! Дурак. Владелец ларька на оптовом рынке, где курица. В его ларьке продаются сигареты и алкоголь. Папа-то раньше писал стихи, я сам видел его тетрадки, там целая пьеса в стихах. Пьеса в стихах и ларек — это для нее не разница?!

— Позавчера вечером мы с ней и Ларкой сидели на диване под пледом и пели песни. Она обнимала нас с Ларкой

крепко, как сумасшедшая мать. А Ларка не обнимала ее как сумасшедшая дочь. Ларка так любит папу, что хочет внедриться между ними даже на свадебной фотографии. Взяла и пририсовала себя между ними. Когда она была маленькая, конечно.

Когда пели «Издалека долго течет река Волга, а мне семнадцать лет», я не сумел сдержать слезы, вскочил и ушел. Она закричала мне вслед: «Как тебе не стыдно, у тебя вообще нет чувств!» Иногда она бывает сумасшедшая мать, а иногда просто сумасшедшая.

— Она не считает, что я самый-самый. Говорит, что многие люди умней и способней меня. А ведь она моя мать, а не этих многих людей! При этом утверждает, что моя самооценка не должна зависеть от того, какое место я занимаю в ее глазах. Лишь от того, насколько я сам доволен своим прогрессом на пути к цели, а какая у меня цель?

— И последнее: прическа.

— Совсем последнее: иногда создается впечатление, что ее собственная жизнь для нее важнее, чем моя.

К папе у меня претензий нет.

Кроме одной.

В прошлом месяце я принес котенка. (Котенок только что родился и сразу остался без мамы, был один.) Папа сморщился и сказал: «Только его нам и не хватало». Я сказал: «Я взял его на руки, он дышал. Если бы я не взял его на руки, я бы... а когда взял...» Папа сказал: «Понимаю. Когда ты кого-то спас, твоя жизнь кажется — для чего-то». Боже, боже, разве папина жизнь ни для чего?!

Это все его работа. Потерял и не может найти. На заводе он получал хорошую зарплату плюс командировочные (ездил в командировки на Украину, в военные части в Полтаву, а у нас бабушка как раз в Полтаве, папа жил у нее, а командировочные экономил). Я говорил: «Мой папа работает на военном заводе», это звучит гордо. Я говорил: «Мой папа делает взрыватели для сухопутной и морской артиллерии», хотя там еще были втулки и электрозапалы, но взрыватели звучат очень гордо.

У него была нормальная жизнь: утром на работу, на Ваську. После работы папа лежал на диване, читал. Или слушал магнитофон, Высоцкого. На его заводе еще делали магнитофоны, у нас дома их пять, папу награждали магнитофонами за хорошую работу.

А год назад на заводе военных заказов не стало. Сначала папе стали задерживать зарплату. Потом папе сделали сокращенную рабочую неделю. Когда он принес зарплату, мама сказала, что это не зарплата, а сдача. Потом папе сказали «бери отпуск за свой счет», потом заставили написать заявление по собственному желанию. Сказали, идите куда хотите. А куда? Папа го-

ворит, он никому не нужен. Но ладно я, а он-то как? Он лежит на диване, и ему плохо.

Мама говорила: «Это раньше было — работай и не думай ни о чем, пришел с работы и читай — не хочу, а теперь как?»

Папа говорил: «Воровать я не буду». Мама говорила: «Почему обязательно воровать, иди, занимайся бизнесом, другие же могут». Моя претензия к папе: он хуже котенка. Даже добрейший котенок кусается, когда его щекочешь, он себя защищает. А папа совершенно себя не защищает. По-моему, не хочешь заниматься бизнесом, так и не занимайся.

Папа стал заниматься бизнесом, возить мясо из Белоруссии. Теперь мама говорит: «Только ради бога, не занимайся бизнесом». Бизнес провалился. Папу обманули. Мама кричала: «Других почему-то не обманывают, почему все хитрей тебя?!» Вот он и пал духом, лежит на диване, ждет работу. Мама говорит: «Ты лежишь как умирающий лебедь, как будто сейчас взлетишь над диваном».

Мама говорит: «Эти демократы говорили, что все народное, а сами все забрали у народа». Мама говорит: «Ты должен держаться молодцом, думать, как кормить семью, это раньше ты был инженер, а теперь никто». Но как держаться молодцом, когда ему все так обидно? Быть «никто» — обидно, когда все забрали — обидно, когда все хитрей тебя — обидно. Обидно, что раньше делал взрыватели для сухопутной и морской артиллерии, ездил в командировки в военные части как уважаемый человек, а теперь что?

Больше к папе претензий нет. Кроме еще одной: когда я думаю, что он думает, что его жизнь ни для чего, мне хочется плакать. Не знаю, сказать ли ему, что его жизнь тоже для чего-то: он помогает мне растить котенка. Я кормлю котенка из пипетки днем, а папа ночью.

Завтра мне исполняется 14 лет. Перед днем рождения всегда подводишь итоги.

Итоги.

— У меня официально начался трудный возраст.

— Я давно люблю одного человека, с двенадцати лет. Этот человек не может быть со мной. Мы виделись только на даче в Сиверской, но вот уже два года мы дачу не снимаем, сидим в городе. А я не знаю, где она, прекрасное виденье, живет в городе. Это трагедия и проблема: пока я не разлюблю ее, я мертв для любви.

— Котенок не хочет сидеть в коробке, ползает повсюду и орет, укусил меня в нос.

10 — Оно было, было, было! (Пятно.)

Я ШЕЛ ЗИМОЮ ВДОЛЬ БОЛОТА

Ждешь чего-то всю жизнь как самого невероятного счастья, и вдруг невероятное счастье случается, и вот он, подарок от Деда Мороза, — и нет, чтобы тут же начать наслаждаться, откусывать от всех конфет, запихивать в рот мандарины и любоваться шоколадным зайцем, — нет, ты суешь нос в подарок, придирчиво всматриваешься, и оказывается, что конфеты не любимые «Мишка на Севере», а простые карамельки, у мандарина подгнил бочок, у шоколадного зайца отломился кусок уха, в общем, вместо Невероятного Счастья — Не Совсем То.

Когда человек рассказывает, тем более пишет о прошлом, всегда появляется такой немного заунывный тон «тадам-тадам-тадам-ам», как будто крутят ручку шарманки. Почему? От осознания значительности своей роли в скрупулезном (и якобы беспристрастном) наклеивании прошлого на настоящее, в создании раз и навсегда зафиксированной картины, где ты и живописец, и зритель, и, хочешь не хочешь, судья? Буду бить себя по рукам, если замечу эту заунывную интонацию, тут же прервусь и сделаю пометку «Уныло! Веселей давай!», или «Слишком многозначительно! Проще давай!», или еще как-нибудь, чтобы прервать этот монотонный тоскливый звук «тадам-тадам-тадам-ам».

В нашей коммунальной кухне было шесть столов, в туалете на гвоздях висело пять сидений, — дядя Игорь не имел своего сиденья и вечно приворовывал сиденье соседей. Мама кричала ему: «У меня дети! А ты неизвестно где шляешься и в дом приносишь! Попробуй только возьми мое сиденье, я тебе его на голову надежду!» Но никто не знал, чьим сиденьем воспользуется Игорь, в этом и была интрига.

Слова «своя кухня...» и «свой туалет...» мама произносила как люди произносят «любовь», — мечтательно, а «квартира в сталинском доме» — ласково-безнадежно, так люди говорят о совсем уж несбыточных мечтах. До начала девяностых, в советской жизни, отдельная квартира была Несбыточной Мечтой: тридцатиметровая комната на четверых не давала нашей семье права получить квартиру от государства, а на кооперативную квартиру родители не заработали бы никогда.

С начала девяностых квартиру стало возможным купить. Странное для советского уха выражение — купить квартиру?! как булку или картошку? — для *любого* советского уха, но для моих родителей особенно: если в советской жизни они были обычные, как все, то в новой, постсоветской, стали бедные.

Может быть, это *уже уныло* и нужно сказать себе: «Веселей давай!»?

Они были бедные, не считая нескольких месяцев, когда папа «занимался бизнесом», — тогда у мамы возникли кое-какие надежды, например, она купила Каракулеву Шубу. Осенью шубу пришлось продать, чтобы выйти из бизнеса. Тогда мне было очень жаль папу, но теперь мне не меньше жаль маму: она успела пришить к шубе другие пуговицы. Прежние показались ей недостаточно нарядными, счастливыми, — и ей пришлось расстаться с шубой, с пуговицами, — пуговицы можно было бы оставить себе, но мама решила не рубить хвост по частям, а расстаться с надеждами одним махом. Так что об отдельной квартире можно было что? Забыть.

Но все же оставалась одна возможность: а вдруг нашу коммуналку купит какой-нибудь новый русский? Купит нашу огромную квартиру на углу Невского и Фонтанки с видом на Аничков мост и станет там жить-поживать, а нас расселит по городским окраинам. Бедная мама мечтала об этом мифическом новом русском, как Золушка о принце, как запертая Змеем Горынычем в башне принцесса об Иване-дурачке: придет, освободит, расселит по спальным районам.

Расселение коммуналок в центре шло активно: быстро разбогатевшим людям хотелось иметь жилье не просто хорошее, а роскошное, в особняках, — они расселяли коммуналки на Невском и прилегающих к Невскому улицах. Однако в нашу квартиру принц все не приходил (что, учитывая наш вид из окон на Невский и на Аничков мост, наш балкон над Фонтанкой, наши четырехметровые потолки с лепниной и наши каминные, было довольно странно) — до зимы девяносто четвертого года.

И вот, как всегда бывает, когда мама сказала папе: «Это не будет больше играть никакой роли в моей жизни, я буду жить, как будто Это никогда не случится», Это — раз, и случилось.

Все произошло молниеносно. Вечером пришла Тётка-риелтор, по-тогдашнему маклер, с неискренней улыбкой и бегающим взглядом (вряд ли она хотела обмануть нас или своего клиента, скорее это была профессиональная деформация, — привыкла улыбаться и бегать глазами). Всех, включая *детей* (нас с Ларкой), нервно собрали на кухне, всем велели назавтра быть дома *в приличном виде*. «Оденьтесь прилично», — сказала Тетка плюс уничтожающий взгляд на дядю Петю в кальсонах и остальных в засаленных халатах. Как будто жильцы прилагаются к квартире и Он, новый русский, не захочет, чтобы потом, когда Он купит квартиру, дядя Петя бродил по его квартире в кальсонах.

12 В общем, все должны быть в приличном виде ровно в по-

ловине седьмого, потому что после семи придет Он и у Него мало времени. Он — бизнесмен.

«Вот люди!» — сказал бы кто угодно *нормальный*, увидев реакцию соседей, и был бы прав: наши люди самые странные в мире. Вместо того чтобы обрадоваться, разнадеяться, попытаться как-то этому бизнесмену понравиться (ну, хоть в прихожей прибрать, что ли), все как-то насторожились: завтра вечером после семи к нам придет Враг, и ровно в половине седьмого нам нужно сидеть в до-спехах с наостренными мечами.

С одной стороны: без сомнения, все (дядя Петя, слесарь, с тетей Катей, продавщицей Елисеевского магазина; баба Сима — бывший врач «ухогорлонос», ныне пенсионерка; баба Циля — бывшая завклубом по прозвищу Циля-два притопа, ныне пенсионерка; тетя Ира — профессор в Политехе, бывшая самая из всех обеспеченная, к тому времени такая же, как все, нищая; дядя Игорь — швейцар в баре «Роза ветров», владелец девятки с тонированными стеклами, как шептались, «бандит», но наш, домашний бандит) хотели получить отдельные квартиры на халяву, просто потому, что повезло жить на Невском у Аничкова моста.

С другой стороны: ни за что! Что «ни за что»? А ни за что не сдадимся! Не уступим! Покажем новому русскому, где раки зимуют и кузькину мать. Наша квартира была не пролетарская и не интеллигентная, а такой типичный срез советского общества, — тут тебе и профессор, и продавщица; но все соседи, даже отчасти деклассированный, но вписавшийся в новую жизнь дядя Игорь, были удивительно единодушны в своем желании дать отпор новому русскому.

— Чего это я должен прилично одеваться? Лично я у себя дома. А если этот новый русский... если ему не нравятся мои кальсоны, так пусть идет к е... м... — сказал дядя Петя. — ...Лично я буду в кальсонах, и точка.

— А я специально опоздаю, — сказал дядя Игорь с видом «можете на меня рассчитывать».

Зачем? А вот так. Чтобы новый русский не задавался. Чтобы не думал, что может нас купить. Нашу жилплощадь.

— Но ведь именно об этом и шла речь, разве не так? Мы же хотим, чтобы нас расселили, почему же?.. — спросил папа.

— Что ты понимаешь в жизни, котовод... гонора у тебя нет, — сказал Игорь, и все согласно кивнули, и мама тоже.

Что правда, то правда, гонора у папы не было. В словаре «гонор» определяется как «высокомерие, заносчивость, преувеличенное чувство собственного достоинства». Казалось бы, по отношению к кому может возникнуть высокомерие у пьяного Игоря, какой меркой нужно измерять пьяного Игоря, чтобы он

оказался выше нового русского, который в силах сделать то, чего не смогло сделать государство, — развести по разным жизням пять унитазных сидений у Аничкова моста? Но дядю Петю и остальных *можно* понять: ведь еще вчера и всю жизнь были «все равны», а теперь что? Попраание всего, на чем росли. И этот новый русский, как он смеет покупать мою квартиру, а значит, и меня самого, — он и спаситель, и ниспровергатель основ, бандит и гад, украл у нас... мы точно не помним, что именно, но что-то важное, возможность самим... самим что?.. Ну, всем все понятно, и этот разговор можно вести бесконечно, но все они, и даже мама, воспринимали нового русского как обидчика и унижателя нашего человеческого достоинства, а завтрашний день не как обычное житейское дело типа переговоры или сделка, а как войну миров, столкновение лоб в лоб в битве за «кто лучше», *личное* единоборство... Ну такие уж они. Все кивнули, и мама.

— Не волнуйтесь, мы интеллигентная семья, и, если что, мы обязательно... — сказала мама.

Она имела в виду: если нужно будет дать отпор новорусскому хамству, мы дадим, — если оно будет, а если нет, так нет.

Забегая вперед, скажу, что дальнейшая история, мамина личная история, — несчастливый роман, череда семейных неудач, попытки вывести меня в люди по своему разумению — сформировала у нее четкую систему ценностей: успешный и богатый всегда аморален, а тот, у кого все не получается, кто лежит на диване, отвернувшись к стене, — морален. Бедная мама, ею двигала не зависть к более удачливым, которые нам, конечно, враждебны и нами презираемы, а чувство самосохранения, нежелание признать, что папа — неудачник. Куда лучше слово «зато»: «зато он честный» или «зато он не суетится». Даже сейчас, через двадцать лет, она так обыденно, без напора, говорит «эта их прихватизация», словно так и написано в словаре — «приХватизация». Создание собственной системы морали с целью морального реванша за свои неудачи — история не новая, термин «ресентимент» придумал еще Ницше.

Назавтра вечером мы сидели на кухне принарядившись (наши люди самые нелогичные на свете), дядя Петя зачем-то надел медали... то есть снизу-то он был в кальсонах (мама просила его надеть штаны, но — нет), а сверху в пиджаке с медалями. С бабой Симой и бабой Цилей у мамы был схожий диалог («Вы бы хоть халат сняли». — «Я у себя дома!»), но обе остались в халатах, одна привычно, другая намеренно, а мама была в своем лучшем пятнистолеопардовом платье и туфлях на каблуках, чтобы отделить себя от их негламурной фланелевой компании, — так наша квар-

14 тира приготовилась встретить врага. Все робели в этой не-

привычной ситуации: хотели понравиться и были уверены, что не понравимся и нас не купят, и заранее гордо вскидывались — а нам и не надо!..

Раздался звонок, и мы высыпали в прихожую: новый русский (занял все пространство, как будто внесли шкаф и поставили поперек, на самом деле Роман был невысокий и худощавый, так что это мне показалось от волнения), за ним Тетка-риелтор с бегающими глазами, маленький мальчик, юная женщина с потрясающей длины и тонкости ногами, которую все приняли за жену, а она оказалась няней.

Роман прошел по квартире, заглянул в каждую комнату, но зашел лишь в нашу, вышел на балкон, посмотрел на Невский, на Аничков мост и вдруг выбросил вперед руку со словами «Здесь будет город заложен!», затем громко произнес: «Я царь, я бог!» И, обернувшись к нам, робкой толпой застывшим в дверях, сказал: «Годится». Все думали, что это будет обстоятельный осмотр с вдумчивым «А как тут у вас кран прикручен?», и мы будем, волнуясь, представлять наш кран в лучшем виде, а он — раз, и «годится».

— Подумайте еще... посмотрите другие квартиры в нашем доме... Как можно так быстро принять решение? — совершенно некоммерчески удивился папа, и Роман ответил:

— Да вот так.

Пришли на кухню. Мама заранее предупредила папу: «Не веди себя как умирающий лебедь, борись за свою семью — хвали квартиру, повышай ее ценность в глазах покупателя», и папа, солидно откашлявшись, приступил к делу.

— Я должен вас предупредить о проблемах квартиры: у нас плохой пол, пол нужно перебирать... а трубы... Ох, больно! — Очевидно, его ущипнула мама или пнул кто-то из соседей.

И тут же раздался громкий шепот дяди Игоря:

— Ты, мудака! Ни слова про трубы!

На самом деле трубы не имели никакого значения. Наша квартира не состояла из труб, стен, пола, потолка, провалился ли пол или рухнул потолок, можно было выйти на наш балкон — и ты над Аничковым мостом, в десяти метрах от первого коня Клодта, — я стоял на балконе тысячи раз, и каждый раз у меня начинал болеть живот от красоты. Не знаю, заболел ли у Романа живот, когда он смотрел на Аничков мост, но было понятно — он *хочет* смотреть на Аничков мост.

Решение было принято мгновенно, а дальше был торг. Все уселись за стол переговоров, покрытый белой от частого вытирания клеенкой, и Роман, тыкая пальцем в каждого, пять раз произнес — «однокомнатная», а в маму — «хорошая двухком-